

Текст · 7 февраля 2023, 11:08

Мария Цимлянская,

«Решают, умереть мне или быть заключенным». Мобилизованный из Амурской области попытался оформить опеку над матерью, но оказался под следствием

В 2021 году я окончил Дальневосточный государственный университет путей сообщения в Хабаровске. До мобилизации работал электрослесарем на местном золотодобывающем предприятии «Прииск Соловьевский», жил в поселке вместе с мамой.

В конце сентября мне глава сельсовета [Ирина] Артемьева вручила повестку. 25 сентября я прибыл и начал проходить военную службу в ДВОКУ^[1]. Скажу честно: перед тем как поехал, написал на всякий случай завещание на маму.

Шел, настраиваясь, что на месте докажу, что маме нужна помощь. На сегодняшний момент у нее диагноз: ревматоидный артрит правой и левой кистей и еще пальцев рук. Она не так давно перенесла операцию на органах брюшной полости, в ноябре по результатам медико-социальной экспертизы ей присвоили инвалидность III группы. Есть еще заболевание ног, ей необходимо менять оба коленных сустава. Стоимость протеза огромна — от 180 до 310 тысяч рублей за один протез, а ей нужно поменять оба. В нашем поселке Соловьевск просто невозможно

сделать такую операцию, маму нужно отвезти в Новосибирск.

В военкомате меня никто слушать не захотел. Естественно, я переживал за маму: одно дело — знать примерно, что это за болезнь, а другое — каждый день видеть, как близкий человек через силу борется с ней. Ты можешь помочь только в бытовом и финансовом плане, морально поддержать, но здоровье купить новое нельзя. Ревматоидный артрит нельзя вылечить, можно только слегка облегчить боль.

Сейчас маме 54 года. Кто-то скажет — молодая, но болезнь ее сильно изменила, она с трудом ходит, поднимается по лестнице. А мы живем в холмистой местности — у нас все село на сопках, то спуск, то подъем. И как ей жить одной, если ей даже нельзя поднимать ничего тяжелее двух килограмм? Живем мы в бараке, в аварийном доме, где каждую зиму вода перемерзает.

Мать мобилизованного Ольга Стенькина утверждает, что несколько раз обращалась в воинскую часть с просьбой предоставить сыну отсрочку от мобилизации, но ей отказали: «Отношение со всех сторон такое — можетедохнуть, дела никому до вас нет!». По словам женщины, из-за болезни она не может нормально передвигаться, подниматься по лестнице и самостоятельно купить продукты. При этом она вынуждена жить в доме без отопления. «На все мои письма (я писала четыре — в военную прокуратуру, губернатору нашему, главе поселка и воинскую часть) одинаковый ответ: «Ваш сын

по всем параметрам подходит под мобилизацию, оснований для отсрочки нет». Как вообще можно судить сына по статье, по которой грозит 10 лет, за то, что он пытался матери помочь? — возмущается Стенькина. — Если у государства нет денег на помощь старикам и они [власти] говорят: «У вас для этого дети есть», то почему они этих детей отбирают?».

Сразу после мобилизации за мамой присматривал мой друг, но у него в этом месяце родилась дочь, он многодетный отец, трое детей, он еще помогает теще и своей матери — заменить меня, понятное дело, не может целиком. Еще у меня есть сестра, но она давно живет и работает в США. Она приезжала к нам в отпуск иногда, но постоянно с нами жить не могла, максимум месяц-полтора раз в три года. И не всегда у нее получалось приехать.

У мамы единственный доход — пенсия в 13 тысяч рублей. С работы она вынуждена была уволиться, так как ей тяжело ходить. У нее на лекарства уходит почти восемь тысяч рублей (один укол обезболивающего стоит 1250 рублей, а надо минимум пять в месяц), плюс за ними еще съездить надо — в Соловьевске этих лекарств нет, надо в Тынду, а иногда и до Благовещенска. Когда ей присвоили инвалидность, надбавка составила всего 2,5 тысячи рублей. Поэтому, конечно, маме я помогал и финансово. Она фактически находилась на иждивении у меня.

Уголовное дело

После того как меня мобилизовали, мама обращалась в различные инстанции, пытаясь доказать, что мобилизовали по ошибке, что у нее серьезные заболевания, а без моей помощи ей не справиться. Но ответ везде один: «Оснований для отсрочки от мобилизации не установлено».

Мама Сергея Стенькина. Фото: из личного архива

Поэтому, когда через месяц после мобилизации, 21 октября, мне дали увольнительную на один день, я сразу отправился в Новосибирск, чтобы оформить патронаж над мамой. Но я иногородний — не успел за раз собрать все нужные документы и направить их в орган опеки и попечительства, пришлось ехать домой за ними.

Да, я самовольно покинул часть, не отрицаю. Но как я мог иначе поступить, если понимал, что вот вернусь обратно на СВО и про мамину операцию можно забыть?

Когда 30 ноября вернулся в Приамурье, меня прямо на вокзале в соседнем Сковородино задержал сотрудник полиции. Я ему подробно объяснил причины, по которым покинул часть, подписал подписку о невыезде, а 7 декабря отправился в часть при ДВОКУ — следователь постоянно давил, мол, надо как можно быстрее быть в части, тогда будет смягчающее обстоятельство. но в итоге меня в части задержали. И с декабря сижу здесь.

Уголовное дело завели 23 ноября, когда с момента моего отсутствия прошел уже месяц. Сейчас мне избрали меру пресечения — наблюдение

командования воинской части, а уголовное дело передано в суд.

Теперь жду суда, не знаю, не предполагаю, что он решит. Скорее всего, отправят на СВО. Заставили писать рапорт, что хочу туда вернуться. Я был вынужден его подписать, потому что понимал, что второй путь — это тюрьма.

Я не хочу садиться, это поставит крест на всей моей жизни, закроет все возможные пути. Мама, конечно, говорит, что лучше быть живым, чем мертвым, но оставляет решение за мной, решать мне. С другой стороны все риски — риск умереть на войне — я тоже понимаю, может, не до конца, но это тоже страшно.

Следственный отдел города Благовещенска (следователь у меня Пересторонин Николай Александрович) не принял ни одного моего доказательства. Следствие не принимает от мобилизованных доводов, не принимает и доказательства, которые ребята предоставляют — я насчитал 24 военных, которые по схожим обстоятельствам не улетели на СВО сразу. Сейчас нас таких осталось 12 человек.

Мы прикомандированы к ДВОКУ, пока у нас идут следственные действия, рассмотрение дел прокуратурой, передача дел в суд и, собственно, суды. У семи человек проблемы со здоровьем разной формы, одного новенького вчера привезли, и какие у него обстоятельства, я не успел узнать. Один парень уже был на спецоперации, получил ранение, вылечился и ждет вылета обратно. Еще один парень просто большой любитель спиртных напитков, который на

данный момент уже три раза убегал и не имеет уважительных причин.

Действия следователя односторонние, односторонние, с обвинительным уклоном, хотя следствие ведь не имеет права выносить вердикт. Его как исполнительный орган выносит суд, между тем именно следователи предлагают признать вину. Мой адвокат считает, потому что тогда [следователям] будет меньше работы, им так проще. Их не волнует, что это реальные люди и реальные сроки — от 5 до 10 лет лишения свободы.

Я оказался между двух наковален, и так, и так — ужасно. Получается, сейчас другие люди решают, умереть мне или быть заключенным — я чувствую несправедливость от этого, разве я совершил что-то настолько ужасное, чтобы быть убитым или сесть в тюрьму?

Редактор: Мария Климова

1. Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.